

ed.

N° 4

A.

IV.

4.

У А. IV. 4.

1933 К
644

Св. № 2/.

Из книг

А. Н. Островского

С. 4

- 1 Турбинички. А. Н. Островерхова
дог. изд. Тиража.
- 2 Армения. Соспхера. А. Н.
А. Островерхова
- 3 Армения. А. Н. Островерхова
нр. 1. Тиража.
- 4 Таблицы и Тиража (Контракт
& б. к. к.)
- 5 Тираж Тиража. Армения

ФИЛОКРАТЪ.

Вотъ отецъ твой.— Вотъ воръ, укравшій тебя ребенкомъ.

ТИНДАРЪ.

А я предамъ взрослога палачу.

ФИЛОКРАТЪ.

И по дѣломъ.

ТИНДАРЪ.

Да, я не останусь у него въ долгу. (Гегіону) Такъ ты отецъ мой?

ГЕГИОНЪ.

Сынъ мой!

ТИНДАРЪ.

Теперь только припоминаю я... какъ сквозь сонъ,— да, дѣйствительно.... отца моего звали Гегіономъ.

ГЕГИОНЪ.

Это я.

ФИЛОКРАТЪ.

Вели-же снять съ него цѣпи и наложить ихъ на похитителя.

ГЕГИОНЪ.

Да, да. Войдемъ. Я велю позвать кузнеца, и подарю эти цѣпи ему (указываетъ на Сталагма).

СТАЛАГМЪ.

Для нищаго и то прибьмъ.

ГРУППА.

Зрители! Въ этой пьесѣ чистые нравы. Въ ней нѣтъ ни любовной интриги, ни безстыдныхъ ласкъ, ни подмѣна дитяти, ни кражи денегъ, ни юноши, втайнѣ отъ отца выкупающаго свою любовницу. Поэты рѣдко сочиняютъ такіа комедіи, которыя хорошаго человѣка научаютъ дѣлаться еще лучшимъ. Аплодируйте, если вы не скучали, цѣнители скромной доблести!

А. КРОНЕБЕРГЪ.

АНТИГОНА.

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА.

=

«Антигона» одна из частей великой Софокловой трилогии, о бѣдствіяхъ Эдипа,—трилогія, которая, какъ и трилогія Эсхила, связана въ трехъ частяхъ своихъ тройственною мыслию — паденія, страданія и возстановленія. Предполагая современемъ передать русской публикѣ, по силамъ и разумѣнію, всѣ три части Софокловой драмы, я отлагаю на будущее и положеніе моего взгляда на греческую трагедію, взгляда, основное начало котораго есть, впрочемъ, непосредственная связь ея съ ученіемъ древнихъ мистерій.

Теперь же ограничусь только нѣсколькими необходимыми замѣчаніями.

Нигдѣ столько, какъ въ Антигонѣ, не вѣетъ изъ-за древнихъ формъ предчувствіе иной жизни, чашіе иной спасающей вѣры. Антигона—идущая на смерть за идею, а не за чувство, возвышающаяся почти до христіанскаго понятія долга, протестуетъ противъ олимпійскихъ боговъ столь же сильно, если еще не сильнѣе, какъ умирающій въ темницѣ Сократъ. Боги Греціи—представители различныхъ силъ въ человѣкѣ самомъ лежащихъ, силъ, прекрасныхъ въ своемъ высшемъ развитіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣпыхъ, какъ судьба или, точнѣе, какъ та бездна, которая служитъ имъ источникомъ. Люди въ греческой драмѣ, только орудія этихъ силъ или, что все равно, обожествленія извѣстной, обладающей въ человѣкѣ силы. Они борются между собою и падаютъ одна отъ другой, смотря потому какова ихъ судьба, то есть, смотря потому, сколько есть возможности въ силѣ быть выше другой. Недовольство подобнымъ неправымъ перевѣсомъ силъ составляетъ сущность Эсхиловыхъ и Софокловыхъ произведеній, и недовольство это порождаетъ надежду, такъ ярко выражающуюся въ Прометееѣ окованномъ, на явленіе Искупителя, освободителя отъ такого состоянія. Но эта идея во всѣхъ другихъ лицахъ греческой трагедіи, сверкающая только минутною молніею — въ «Антигонѣ» поставлена основою характера. Антигона идетъ

на смерть не увлеченная слѣпою силою страсти, но въ сознании долга въ отношеніи къ мертвому. Сознаніе это мрачно, какъ понятіе язычниковъ о смерти, но оно возвышено, потому что въ самомъ существованіи своемъ носитъ залогъ открытой въ христіанствѣ тайны безсмертія.

Второе замѣчаніе мое относится къ переводу. Я старался строго, почти буквально держаться подлинника, но, естественно, не могъ передать всѣхъ тонкихъ оттѣнковъ эллинской рѣчи и тѣмъ менѣе, ошутительно представить въ русской рѣчи всѣ измѣненія размѣра. Въ послѣднемъ въ-особенности, позволялъ я себѣ большую вольность (кромя хоровъ, разумѣется, по возможности прилаженныхъ къ музыкѣ Мендельсона-Бартольди). Какъ опытъ — удачный или нѣтъ, судить не мнѣ конечно, — представляю на судъ моихъ читателей, смертный плачъ Антигоны, въ которомъ, сохраняя шестистопный ямбическій размѣръ, старался я ввести складъ русскихъ народныхъ пѣсней.

Желаю одного только, чтобы мой посильный трудъ — не говорю передавъ, но хотя бы далъ почувствовать глубокую религіозность греческой трагедіи, изучая которую переводчикъ часто повторялъ высокія слова Шиллера: «Подъ покровомъ всѣхъ религій — лежитъ вѣчная истина, сама религія».

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Крѣонъ, царь оивскій.

Эйридика, его супруга.

Гемонъ, его сынъ.

Антигона } дочери Эдипа.
Исмена }

Тѣйрезіасъ, слѣпой прорицатель.

Стражъ.

Вѣстникъ.

Рабъ Крѣона.

Хоръ оивскихъ старцевъ.

Мѣсто дѣйствія — передъ царскимъ дворцомъ въ Оивахъ; направо дорога въ городъ, на лѣво въ поле.

NB. Тһυμελε или алтарь Бахуса, долженъ находиться на просцениумѣ и хоръ его окружаетъ.

АНТИГОНА.

Исмена, о сестра единокровная,

Ты знаешь ли хотя одно изъ бѣдствій

Эдиповыхъ, какимъ бы Зевсъ насъ не казнилъ?

Нѣтъ горя, скорби нѣтъ, не вспоминая

О тяготящемъ проклятьѣ, нѣтъ безчестья,

Позора нѣтъ, котораго бы я

Въ печальной нашей жизни не видала.

И нынѣ, что за новое вельнѣе

Объявлено царемъ всему народу?
 Ты слышала?... ты знаешь иль досель
 Еще не слышала какой позоръ
 Враги тому, кто дорогъ намъ готовитьъ?

ИСМЕНА.

Ни вѣсти ни одной, ни слова, Антигона,
 Ни сладкаго, ни горькаго о милыхъ
 Я не слыхала, съ той поры, какъ братья
 Погибли оба, въ день одинъ на смертномъ
 Единоборствѣ: съ той поры когда бѣжали
 Войска Аргивянь, съ этой ночи, я
 Ужь ничего не слышала, что было бѣ
 Мнѣ вѣстью счастья новаго иль горя.

АНТИГОНА.

Я знала то и за врата дворца
 Тебя звала, чтобъ говорить съ тобой одной.

ИСМЕНА.

Но что съ тобой?... Что возмутило грудь твою?

АНТИГОНА.

Не знаешь ты, что Крѣонъ, одному
 Изъ надшихъ братьевъ давъ могилу, повелѣлъ
 Лишить ея другаго?... Этеокла прахъ
 Честному погребенью предаль, какъ законъ
 И правда повелѣли, чтобы мѣсто
 Ему среди усопшихъ изготовить;
 О тѣлѣ жъ Полинейка — такъ безславно
 Погибшаго, велѣнье выдалъ, говорятъ,
 Всѣмъ гражданамъ, чтобъ не было надъ нимъ
 Холма могильнаго и стоновъ плача
 Чобъ неоплаканный, непогребенный
 Лежалъ онъ — хищныхъ вороновъ добыча,
 Которыхъ жадный клѣвъ терзаетъ трупы,
 И это, говорятъ, объявить благородный Крѣонъ
 Тебѣ и мнѣ.... ты слышишь ли? и мнѣ!
 И всѣмъ, кто этого не вѣдаетъ, придетъ
 Онъ объявить сюда, и такъ же то,

Что исполнять велѣнье строго должно,
 Что кто его нарушитъ, отъ народа
 Побить каменьемъ будетъ. Вотъ что нужно
 Сказать мнѣ было: этотъ день покажетъ
 Ты благородна сердцемъ или чадо
 Ты недостойное великихъ предковъ.

И С М Е Н А .

Но, бѣдная, когда все это такъ,
 Чѣмъ я должна служить, дѣлами или рѣчами?

А Н Т И Г О Н А .

Раздѣлишь ли со мной опасность дѣла?

И С М Е Н А .

Какого дѣла? Что ты замышляешь?

А Н Т И Г О Н А .

Поможешь ли мнѣ мертваго похитить?

И С М Е Н А .

Ты погребешь его въ противность запрещенью?

А Н Т И Г О Н А .

Да, брата моего,—хотя бы ты
 И отказалась—брата твоего, похороню,
 Не оскверню себя предательства позоромъ.

И С М Е Н А .

Преступная! когда то Крѣонъ запретилъ?

А Н Т И Г О Н А .

Онъ отъ родныхъ не въ силахъ оторвать меня.

И С М Е Н А .

Увы, мнѣ! о сестра, ты вспомни, какъ отецъ
 Погибъ проклятиемъ, позоромъ удрученный....
 Какъ онъ, открывши бездну беззаконій
 Своихъ—глаза исторгъ себѣ: и какъ
 Потомъ она, его супруга-мать
 Дни прекратила петлею позорной
 Какъ, наконецъ, погибли оба брата
 Въ единый день, другъ друга поразивши.

Насъ только двѣ остались.—О, подумай,
 Что намъ грозитъ, когда дерзнемъ возстать
 Мы противъ силы и велѣній нашихъ
 Властителей, презрѣвши волю ихъ!
 О, нѣтъ, подумай только: мы женами
 Сотворены; противъ мужей не намъ
 Итти, сестра; должны мы покоряться
 Всему и даже худшему.... У праха
 Готова я просить прощенья, но
 Всевластному повиноваться буду:
 Неподобаешь дѣлать выше силъ.

АНТИГОНА.

Тебя не принуждаю, и твоя бы
 Меня никакъ не радовала помощь;
 Ты поступай какъ знаешь, но ему
 Могилу ископаю я одна,
 И радостно потомъ я встрѣчу смерть;
 Засну я тихо подлѣ друга, свято
 Преступная: зане мнѣ дольше жить
 Съ отшедшими къ покою, чѣмъ съ земными;
 Я тамъ засну на вѣки; ты же можешь
 То презирать, что сами боги чтутъ.

ИСМЕНА.

Не презираю я, но съ цѣлымъ градомъ
 Бороться средствъ и силы не имѣю.

АНТИГОНА.

Оправдывай себя хоть этимъ, я
 Дражайшему пойду могильный холмъ готовить.

ИСМЕНА.

Увы, несчастная! Я за тебя дрожу.

АНТИГОНА.

Не обо мнѣ заботься—о себѣ.

ИСМЕНА.

По-крайней-мѣрѣ, скрой свое ты дѣло:
 Молчи о немъ, молчать я буду также.

АНТИГОНА.

О, говори! Твое молчанье будетъ
Мнѣ ненавистнѣй, нежели слова.

ИСМЕНА.

Ты къ тѣлу хладному душою горяча.

АНТИГОНА.

Я угождаю тѣмъ, кому хочу служить.

ИСМЕНА.

Но ты за невозможное взялась.

АНТИГОНА.

Оставлю я, увидя невозможность.

ИСМЕНА.

Чего нельзя—не должно начинать.

АНТИГОНА.

Ты будешь ненавистна мнѣ рѣчами
Подобными и ненавистна брату
Усопшему—оставь меня, пускай
За дерзостное дѣло пострадаю,
Чтò бъ ни было.... но смерти благородной
Отнять судьба не можетъ у меня.

ИСМЕНА.

Ну, если такъ, иди, и безразсудно,
Но вѣрно служишь ты друзьямъ усопшимъ.

(Объ уходятъ: Антигона въ поле, Исмена во дворецъ.)

ХОРЪ. *(Выходитъ изъ города.)*

Геліоса лучь, никогда
Седмивратному городу
Фивамъ, ты не сіялъ таковъ,
Какъ являешься нынѣ намъ,

Око златаго дѣя,

На волнахъ диркейскихъ ты гордый странникъ.

Ты врага, который пришелъ

Изъ Аргоса съ бѣлымъ щитомъ,

Гналъ отсель, такъ, что звѣнья брони

Другъ о друга стучали;

Подвигнуть онъ былъ на наши поля

Враждой Полипейка съ родною страной;
 Съ дикимъ крикомъ онъ,
 Какъ орелъ, на страну съ облаковъ наметѣлъ
 На крыльяхъ спустился бѣлыхъ какъ снѣгъ.
 Бронейю облить
 И съ конскою гривой на шлемѣ.

* *
 *

На зубчатой оградѣ стѣпъ
 Седмивратнаго города
 Онъ жаднымъ мечомъ грозилъ;...
 Но бѣжалъ, не упившійся
 Кровью нашею, онъ,
 Не успѣлъ онъ нашихъ стѣпъ освѣтити
 Свѣщникомъ Гесты *, — огнемъ,
 И предъ Аресомъ ** обратилъ
 Врагъ кровавадный, свой тылъ—устоятъ
 Могъ ли противъ дракона?
 Да! Зевсъ всемъ горящимся силой своей
 Врагъ издавна былъ.... Какъ нѣкій потокъ
 Стремящихся, — онъ въ гордынѣ узрѣлъ
 И громомъ своимъ низложилъ онъ того,
 Чей побѣдный крикъ
 На зубахъ уже стѣпъ раздавался.

* *
 *

На землю палъ испроверженный огненосецъ,
 Палъ пораженный со стѣпъ нашихъ, онъ, который
 Словно буря летѣлъ
 Упоенъ побѣдой своею,
 Смерть сразила его ***.
 Многимъ на долю
 Смерть досталась; былъ намъ богъ хранитель
 Аресъ великій,
 Зане семь вождей у семи нашихъ вратъ,

* Гестъ, Вулканъ, богъ огня.

** Аресъ, Марсъ, богъ войны.

*** Здѣсь говорится о Капанетъ, одномъ изъ семи вождей, осаждавшихъ Фивы.

Съ врагами сражаяся въ равномъ числѣ,
 Оставили Зевсу трофеи свои
 Только страшные тѣ, отца одного
 И матери чада одной — въ бою
 Поразили другъ друга, обоихъ равно
 Ожидала отъ вѣка погибель *.

* *
 *

Но ужъ побѣда съ челомъ лучезарнымъ Оивамъ
 Колеснице-богатымъ смѣется; градъ свободенъ
 И должны мы теперь
 Страшный бой забвенью предать;
 Съ радостнымъ крикомъ мы
 Предъ алтарями
 Хорами ходимъ почными.... насъ ведетъ Діонисосъ **
 Оивъ защититель.

Но Крѣонъ идетъ съ толпою сюда,
 Сынъ Мѣнекея, страны властелинъ
 Вышней волей боговъ дарованный намъ
 Владыкой; съ тяжелой оупъ душой идетъ,
 Не даромъ торжественно созвалъ оупъ
 На собранье сюда,
 Черезъ глашатая, старцевъ совѣтъ!

(Изъ дворца выходитъ Крѣонъ, окруженный толпою.)

КРѢОНЪ.

Васъ, мужи, я, хотъ градъ и сохраненъ
 Отъ многихъ буръ безсмертными, и нынѣ
 Руками ихъ оупъ укрѣиленъ оупъ,
 Но я васъ собралъ — васъ въ-особенности, здѣсь
 Зане я знаю — Лаіева трона
 Подпорой были вы, притомъ когда
 Царилъ Эдипъ въ великомъ градѣ, также
 Когда скончался оупъ, ему и дѣтямъ
 Вы неизмѣнно вѣрны вѣчно были;
 Когда жъ они въ единоборствѣ страшномъ,

* Этеоклъ и Полипейкъ, дѣти Эдипа.

** Вакхъ.

Въ единый день другъ друга поразили,
Сталъ мой престолъ, моя и власть и сила
Какъ сродника ближайшаго погибшихъ.
Никто не разгадаетъ челоуѣка,
Его ума и цѣлей сокровенныхъ
Доколѣ самъ онъ, властью облеченный
Въ дѣлахъ не обнаружитъ ихъ: по мнѣ
Правитель города, который добрымъ
Намѣреньямъ не слѣдуетъ своимъ,
И свой языкъ оковываетъ страхомъ
Презрѣнiя единого достоинъ;
Равно и тотъ, кто дружбу и родство,
Предпочитаетъ выгодамъ страны
И — знаетъ Зевсъ всевидящій, — не стану
Молчать я, видя общую опасность,
И никогда врага страны родной,
Привѣтствовать какъ друга я не буду.
Отъ родины зависитъ наше счастье
И только бъ мы заботились о благѣ
Ея, друзей у насъ довольно будетъ,
И въ этихъ мысляхъ я хочу держать кормило
Правленiя, и выдалъ повелѣнiе
О сыновьяхъ Эдиповыхъ народу.
Одинъ изъ нихъ, со славой падшій, Этеоклъ
Какъ города защитникъ, заслужилъ
Могильный холмъ и все что подобаетъ
Изъ падшихъ благороднѣйшему, но
Другой, — я Полинейка разумью, —
Измѣнникъ, возвратившійся съ мечомъ
Въ страну родную, алтари боговъ
Огнемъ и разрушеньемъ оскорбившій,
Облитый кровью родичей своихъ
И васъ хотѣвшій поверстать рабами,
Онъ — объявилъ я городу — не долженъ
Почтенъ могилой быть и стопомъ плача;
Нѣтъ, пусть безъ гроба будетъ — псамъ и птицамъ
Добыча хищнымъ и добыча срама —
Таковъ законъ мой — да не будетъ чести
Преступнику — удѣла благородныхъ!
Но граду вѣрные всегда заслужатъ
Почтенье, мертвые или живые.

ХОРЪ.

Такъ поступить тебѣ, о, Менекее сынъ,
Угодно съ другомъ и врагомъ отчизны
Въ твоихъ рукахъ да будетъ власть и сила
Надъ мертвыми равна, какъ надъ живыми.

КРЭОНЪ.

Хранителями будьте жъ повелѣнья.

ХОРЪ.

Юнѣйшимъ передай о томъ заботу.

КРЭОНЪ.

Надъ мертвецомъ ужъ я назначилъ стражу.

ХОРЪ.

Зачѣмъ же ты другимъ передаешь велѣнье?

КРЭОНЪ.

Чтобы ослушнымъ не было пощады.

ХОРЪ.

Безумца вѣтъ, кто бъ умереть желалъ.

КРЭОНЪ.

Умереть ослушникъ, но корысть ведетъ
Въ опасность смерти часто человекъ.

стражъ (*идетъ съ поля*).

О, царь — я не скажу, что задыхаясь
Сюда спѣшилъ я быстрыми шагами;
Тяжелыя меня смущали думы
И возвратиться былъ неразъ готовъ назадъ;
Душа моя шептала часто мнѣ:
Зачѣмъ идешь ты, бѣдный? наказанье
Тамъ ждетъ тебя! Останься; но когда
Узнаетъ Крэонъ отъ другихъ — не также ль
Тебя постигнетъ наказанье? Эти
Сомнѣнія дорогу замедляли
И не далекій путь мой дологъ былъ;
Но наконецъ рѣшимость побѣдила
Итти сюда — и пусть принесъ я вѣсть дурную,

Я буду говорить, увѣренъ твердо я
 Чтобъ ни было со мной — не будетъ ничего,
 Что мнѣ не предназначено судьбою.

КРЭОНЪ.

Но отчего отчаянье такое?

СТРАЖЪ.

Сначала о себѣ скажу.... не мною
 Содѣлана вина, я даже не видалъ
 Кто сдѣлалъ: наказать меня несправедливо.

КРЭОНЪ.

Ты цѣлишь вѣрно, хоть окольными путями
 Идешь..... но, видно, тяжкую несешь ты вѣсть.

СТРАЖЪ.

Да! Дѣло страшное на душу страхъ наводитъ.

КРЭОНЪ.

Но говори же, наконецъ, и удались.

СТРАЖЪ.

Такъ я скажу.... недавно кто-то тѣло
 Похоронилъ, сухой землей посыпалъ
 И совершилъ надъ нимъ обрядъ обычный.

КРЭОНЪ.

Что говоришь ты?.... Кто отважился на это?

СТРАЖЪ.

Не знаю: нѣтъ слѣда двузубца,
 Ни заступа, земля не тронута, на ней
 Примѣтъ колесъ не видно — и вишневникъ скрылся.
 Намъ всѣмъ — когда стражъ первый указалъ,
 Казалось это непонятнымъ чудомъ;
 Трупъ не пропалъ, но не былъ и зарытъ —
 Лишь слой земли, набросанный поспѣшно,
 На немъ лежалъ, и не было слѣдовъ
 Чтобъ псы его или звѣри приходили

Терзать: у насъ тогда начался споръ и крикъ:
 Одинъ другаго укорялъ, до драки
 Дошли мы — было не кому унять,
 И тотъ и тотъ казался виноватымъ,
 Но настоящаго цикто не могъ назвать;
 Готовы были всё пройти сквозь пламень,
 Держать въ рукахъ горячее желѣзо,
 И клясться предъ богами, каждый въ томъ, что онъ
 Не виноватъ и виноватаго не знаетъ,
 Когда же тщетны были розысканья
 Одинъ сказалъ — и голову отъ страха
 Мы всё къ землѣ склонили — ибо не могли
 Сказать ни слова противъ и спасенья не видали
 Ни въ чемъ иномъ, сказалъ онъ, что тебѣ
 О дѣлѣ должно донести, а не скрывать;
 Всё согласился въ томъ, и мнѣ, несчастному,
 По жребію досталось съ этой горькой вѣстью
 Итти къ тебѣ: пошелъ я не охотно, зная,
 Что вѣстниковъ дурныхъ никто не любитъ.

ХОРЪ.

О царь! не боги ль въ этомъ дѣлѣ сами
 Участники — мнѣ мысль давно приходитъ.

КРѢОНЪ.

Молчи, пока меня не разсердилъ ты рѣчью,
 Пока глупѣй ребенка старецъ мнѣ не показался.
 Невыносимо слышать мнѣ, что боги
 Заботились о мертвецѣ подобномъ!
 Могли ль они, какъ за благое дѣло
 Погибшаго, того похоронить
 Кто храмы ихъ, столбами окруженные,
 Разрушить шель, — ихъ жертвы истребить,
 Страну ихъ разорить, законы испровергнуть?
 Гдѣ слышалъ ты, чтобъ боги чтили злыхъ?
 Не такъ, о нѣтъ. Есть люди въ этомъ градѣ,
 Которые мнѣ не-хотя, съ роптаньемъ,
 Качая втайнѣ головой, повиновались
 И голову свою подъ мой яремъ
 Склоняли не охотно — и они-то,

Увѣренъ въ этомъ — подкупили златомъ
 Виновниковъ, зане ничтò такъ не опасно
 Въ рукахъ людскихъ, какъ золото: оно
 Опустошаетъ города и часто гонитъ
 Изъ дому челоувѣка; побуждаетъ
 И самыхъ лучшихъ даже къ преступленью,
 Указываетъ путь къ обманамъ, кознямъ;
 Ругаться учить даже надъ святыней.
 Но тотъ кто златомъ ослѣпленъ, рѣшился
 На преступленье — онъ наказанъ строго будетъ.
 И я клянусь моимъ почтеньемъ къ Зевсу,
 И будь увѣренъ, клятву я исполню,
 Когда виновника вы не представите
 Предъ очи мнѣ, — то мало казни смертной,
 Живые будете висѣть, — тогда
 Узнаете, гдѣ выгодною можно
 Воспользоваться, гдѣ нельзя — тогда
 Научитесь на будущее время,
 Что не на всякій подкупъ можно согласиться:
 Отъ злостяжаній больше погибали
 Чѣмъ выгодами пользовались люди.

СТРАЖЪ.

Могу ль я говорить, или долженъ удалиться?

КРЭОНЪ.

Еще не понялъ ты, какъ ты несносенъ мнѣ?

СТРАЖЪ.

Ушамъ или сердцу я несносенъ твоему?

КРЭОНЪ.

Тебѣ нѣтъ дѣла, чѣмъ страдаю я.

СТРАЖЪ.

Виновникъ — сердце, я твой слухъ терзаю.

КРЭОНЪ.

Увы мнѣ! Вижу я, что ты болтушь.

СТРАЖЪ.

Но только въ дѣлѣ этомъ я невиненъ.

КРЭОНЪ.

За деньги съ радостью продашь ты жизнь.

СТРАЖЪ.

Охъ!

Какъ подозрѣнье страшно, если ложно.

КРЭОНЪ.

Что хочешь говори — но если вы
 Виповника не назовете мпѣ,
 То вы узнаете, какъ дурно злостяжанье.

(Уходитъ съ толпою во дворецъ.)

СТРАЖЪ.

Да вотъ поди, найди его — но будетъ
 Онъ пойманъ или пѣтъ — на это воля счастья,
 А только я ужъ больше не приду, —
 И такъ сверхъ ожиданья спасся я,
 За что и приношу богамъ благодаренье.

ХОРЪ, *одинъ.*

Много сильнаго есть; ничего
 Человѣка сильнѣе пѣтъ:
 Черезъ бездны моря летитъ,
 Онъ подъ шумомъ и свистомъ бурь
 И вдругъ шумящія волны
 Разсѣкаетъ весломъ.
 И мать боговъ, старѣйшую, онъ
 Землю — неистошимуую, вѣчную
 Плугомъ браздящимъ своимъ покоришь себѣ
 И копытъ конинныхъ силой.

Стан легкокрыматыхъ онъ
 Хитро въ сѣти могъ уловить,
 И звѣрей могъ дикихъ стада
 Оковать онъ — и рыбъ морскихъ
 Поймать могъ невода сѣтью,
 Многосвѣдущій онъ.
 Онъ хитростью властитель вольныхъ
 Горныхъ звѣрей и коня долгогриваго
 Гордую шею подъ иго склонившаго,
 И муловъ неутомимыхъ.

Онъ слово пашель — и открыль
 Искусство сплетенья рѣчей,
 И обществъ законы. Когда зимою
 Поля пустѣють, — себѣ
 Нашель отъ дождя онъ пріютъ
 Вѣчно-мудрый.
 Никогда грядущимъ онъ въ распахъ не пойманъ.
 Отъ Гадеса *, только онъ не пзбѣгаетъ,
 И противъ язвы даже злой
 Знаеть средство.
 Исполненъ превыше границъ
 Творящей способности онъ;
 Равно онъ наклоненъ къ добру и ко злу;
 Когда безсмертныхъ онъ чтить
 И чтить отчизны законъ,
 Чтимъ онъ самъ;
 Но творящій злое ненавистенъ
 Родной странѣ. Да не раздѣлитъ онъ
 Со мною хлѣбъ мой и очагъ.
 Будь онъ проклятъ!

О страшное зрѣлище! Сердце мое
 Когда бы могло, хотѣло бъ не знать
 Что дѣва сія — Антигона,
 Несчастливая ты,
 Отца несчастнаго Эдипа дитя.
 Увы! ужели застигнута ты
 Въ преступленіи противъ власти царя
 И въ безумно-слѣпномъ ослушаньи?

Стражъ, ведущій съ поля Антигону.

СТРАЖЪ.

Вотъ та, которая на мѣстѣ преступленья
 И въ дѣлѣ схвачена... но гдѣ же Крѣонъ?

ХОРЪ.

Вотъ кстатн, онъ идетъ сюда изъ дому самъ.

* Гадесъ — смерть.

КРЭОНЪ (выходя изъ дворца съ толпою).

Что нужно? отчего пришелъ я кстати?

СТРАЖЪ.

О царь! не долженъ смертный клясться никогда:
Въ немъ мысли новыя смѣняютъ прежнюю
Рѣшимость — такъ, не думалъ возвратиться я,
Когда твои угрозы слышалъ страшныя.
Но вотъ — ужъ правду говорятъ, что радость
Нежданная ни съ чѣмъ быть сравнена не можетъ,
Я возвращаюсь, несмотря на клятву, и къ тебѣ
Вотъ эту дѣву привожу, при тѣлѣ самомъ
Захваченную; я ужъ не по жребію
Пришелъ сюда: не чья она другая, а моя
Добыча.... а теперь, о царь, возьми ее
И допроси и уличи, а я свободенъ
Отъ преступленья и отъ кары за него.

КРЭОНЪ.

Ведомую тобою гдѣ и какъ схватилъ ты?

СТРАЖЪ.

Она трупъ брата погребала — вотъ и все.

КРЭОНЪ.

Ты видѣлъ это самъ? и говоришь ты правду?

СТРАЖЪ.

Самъ видѣлъ я, какъ мертваго землей она
Посыпала.... Теперь сказалъ я слишкомъ ясно.

КРЭОНЪ.

Но какъ ее увидѣли и захватили?

СТРАЖЪ.

Вотъ дѣло было какъ. Когда я возвратился,
Испуганный словами грозными твоими;
Мы счистили всю землю, коей тѣло мертвеца
Покрыто было — такъ что былъ онъ снова нагъ.
Потомъ мы сѣли на холмѣ, спиною къ вѣтру,
Чтобъ тѣла смрадъ не слышать.... сторожили мы
И если начиналъ дремать кто, пробуждали

Его мы всё и бранью и пинками. Такъ
 Сидѣли мы, пока на серединѣ неба
 Сіяющее солнце встало: зной и жаръ насъ стали
 Ужасно мучить.... вдругъ подулъ съ полудня вѣтеръ
 И буря поднялась и встала пылъ столбомъ
 И лѣсъ завылъ и воздухъ душень сталъ — закрывши
 Глаза, переносили бурю мы; потомъ
 Когда она прошла — и все кругомъ утихло,
 Явилась дѣва эта, съ жалкимъ стономъ птички,
 Которой гнѣздышко разорено.... Она
 Увидѣвъ трупъ нагой, произнесла проклятье
 Свершившимъ дѣло это — и набравъ земли руками
 Посыпала на тѣло — и потомъ изъ чаши
 Рѣзбой искусною украшенной, свершила
 Надъ мертвымъ трижды возліянье. Видя это,
 Мы побѣжали и ее тотчасъ схватили....
 Она, казалось, вовсе насъ не испугалась.
 Мы стали улчять ее, равно и въ прежнемъ
 Какъ въ этомъ дѣлѣ.... и она не отрекалась.
 Миѣ было то отрадно, но и больно вмѣстѣ,
 Хотъ самому бѣды избѣгнуть было очень
 Приятно; но ввести въ несчастье ближняго
 Миѣ больно, хотъ, конечно, было миѣ дороже
 Спасеніе свое гораздо больше.

КРЭОНЪ.

Тебя, главу склонившую — спрошу я,
 Виновна ты или нѣтъ? — Ну, что жъ? отвѣтствуй.

АНТИГОНА.

Сказала разъ я и не отпираюсь.

КРЭОНЪ, къ стражу.

Куда ты хочешь, можешь удалиться,
 Ты избѣжалъ отъ кары.

(Антигонь.)

Ты же миѣ

Отвѣтствуй прямо, было ли тебѣ
 Извѣстно повелѣнье или нѣтъ?

АНТИГОНА.

Я знала. Какъ же нѣтъ? Оно извѣстно было.

КРЕОНЪ.

И ты дерзнула поступить напротивъ?

АНТИГОНА.

Я сдѣлала. Не Зевсъ мнѣ объявилъ его,
 Не Дике*, съ адскими живущая Богами....
 Такой законъ поставленъ былъ не ими,
 И онъ не силенъ столько надо мной,
 Чтобъ для него боговъ неписанный и вѣчный
 Законъ нарушить я дерзнула смертная:
 Законы ихъ не нынѣ, не вчера даны:
 Они живутъ отъ вѣка безъ начала,
 Для нихъ я не страшилась смертнаго гордыни,
 И Божьему суду я предаю себя.
 Что я умру, я знаю — какъ же было мнѣ
 Не знать, хотя бъ не объявилъ ты прежде; но
 Что преждевременно умру я—это радость
 Для тѣхъ кто жизнь, какъ я, въ страданьи проводилъ,
 Тотъ умирая не теряетъ ничего;
 Мнѣ потому не можетъ смертный жребій быть
 Ужасенъ; но когда бъ сынъ матери моей,
 Остался незарытый, неоплаканный —
 Вотъ что ужасно было бы, не это;
 Коль я по-твѣду безумно поступила
 Я лишь въ глазахъ безумнаго безумна.

ХОРЪ.

Плодъ жесткѣй жестокаго отца, она
 Предъ бѣдствіями головы не преклоняетъ

КРЕОНЪ.

Но знай, что непокорный духъ смирить легко;
 Что сталь твердѣйшую сломать не трудно будетъ,
 Когда лишь на огнѣ ты раскалишь се;
 Что кдней дикихъ укрощаютъ удила
 Ничтожныя. Высокомѣрье вредно всѣмъ
 Кто подчиненъ кому либо другому; а она
 И тѣмъ уже свою строптивость показала,

* Богиня правды.

Что повелѣніе нарушила мое.
 Теперь же, преступленье совершивъ, дерзаетъ
 Хвалиться имъ и насмѣхаться надо-мною!
 Не буду мужъ я, но скорѣе будетъ мужемъ.
 Она, когда отъ наказанья избѣжитъ.
 Пусть дочь сестры она, и родственница намъ
 Ближайшая въ дому намъ цѣломъ нашемъ;
 Но ни она и ни сестра ея, отъ кары
 Не избѣгутъ. Предполагаю я, что обѣ
 Опѣ равно участницы; и потому
 Зовите ту сюда: замѣтилъ я недавно,
 Какъ не могла съ своимъ смущеніемъ она
 Ни сколько совладѣть — ея смущенье было
 Свидѣтельствомъ участья въ беззаконьи этомъ;
 Но больше ненавистенъ тотъ мнѣ, кто на дѣлѣ
 Захваченный, рѣчами хочетъ оправдаться.

АНТИГОНА.

Чего еще ты хочешь кромѣ смерти нашей?

КРѢОНЪ.

О, больше ничего: довольно этого.

АНТИГОНА.

Что жъ медлишь ты... какъ мнѣ изъ словъ твоихъ не можетъ
 Казаться правымъ ни единое — равно
 Мои слова тебѣ не нравиться должны;
 И чѣмъ же благороднѣйшую славу, какъ
 Не погребеньемъ брата я могла себѣ
 Стяжать: сказали бы всѣ предстоящіе,
 Что права я, когда бъ имъ страхъ языкъ не оковалъ,
 Во власти, кромѣ многого другаго, то еще
 Хорошаго, что правы всѣ поступки и слова.

КРѢОНЪ.

Такъ изъ всѣхъ Кадмеянь мыслишь ты одна!

АНТИГОНА.

И эти такъ же, но языкъ ихъ рабъ твой.

КРЭОНЪ.

И не стыдишься ты другаго мнѣн्या быть?

АНТИГОНА.

О нѣтъ.... не стыдно чтить единокровныхъ.

КРЭОНЪ.

Его противникъ падшій также былъ твой братъ.

АНТИГОНА.

Да, по отцу и матери онъ братъ мой былъ.

КРЭОНЪ.

За чѣмъ же ты къ врагу его любовь питаешь?

АНТИГОНА.

За это на меня не гнѣвался бы падшій.

КРЭОНЪ.

Когда преступнаго ты чтить съ нимъ наравнѣ?

АНТИГОНА.

Не рабъ его погибъ, но однокровный братъ.

КРЭОНЪ.

Врагомъ страны! ея защитникъ былъ другой.

АНТИГОНА.

Но Гадеса законъ равняетъ всѣхъ.

КРЭОНЪ.

Да, ежели тебѣ равны и зло и благо.

АНТИГОНА.

Кто знаетъ преисподніе законы?

КРЭОНЪ.

Врагъ падшій даже, быть не можетъ другомъ.

АНТИГОНА.

Не ненависть дѣлать мнѣ было, но любовь.

КРЭОНЪ.

Ну, такъ люби кого ты хочешь въ преисподней.

Я управлять жецѣ собою не позволю.

(Имена выходитъ изъ дворца.)

ХОРЪ.

Уже у дверей Исмена стоитъ
Съ слезами въ очахъ — о бѣдной сестрѣ,
Облака облегли и краснѣющій ликъ

И чело ея

И ланиты слѣдами печали.

ТѢ ЖЕ И ИСМЕНА.

КРЭОНЪ.

Ты, вкрадываясь какъ змѣя въ мой домъ,
Чтобъ кровь мою сосать, — не зная самъ
Я двухъ чудовищъ на бѣду себѣ вскормилъ. —
Скорѣе говори, виновна ты или нѣтъ....
Или клянись, что ты не знала преступленья!

ИСМЕНА.

Виновна я — и ежели она позволитъ,
Я раздѣлю съ ней наказанье и вину.

АНТИГОНА.

Но правда не позволитъ — не виновна ты....
Ты не хотѣла, я тебя не принуждала.

ИСМЕНА.

Но въ бѣдствіи твоёмъ, безъ страху и стыда
Хочу участницей быть дѣла твоего.

АНТИГОНА.

Чье это дѣло — знаютъ Гадесъ то и тѣни;
Но не люблю я тѣхъ, кто любитъ на словахъ.

ИСМЕНА.

О, не считай меня ты смерти недостойной
Съ тобой, сестра, позволь отдать мнѣ долгъ родному.

АНТИГОНА.

Со мною не умрешь ты: не виновна ты

Въ участіи. Довольно смерти здѣсь моей.

ИСМЕНА.

Но что за жизнь я буду безъ тебя влечить?

АНТИГОНА.

Спроси у Крѳона — ему ты угождала.

ИСМЕНА.

За чѣмъ меня бесплодно мучишь ты, сестра?

АНТИГОНА.

Самой мнѣ тяжело издѣваться надъ тобою.

ИСМЕНА.

Чѣмъ я теперь могу тебѣ полезной быть?

АНТИГОНА.

Спасай себя: тебѣ завидовать не стану.

ИСМЕНА.

Увы, мнѣ, бѣдной! — мнѣ нельзя и умереть.

АНТИГОНА.

Сама избрала жизнь ты — я же смерть избрала.

ИСМЕНА.

Но не скрывала я причинъ на то моихъ.

АНТИГОНА.

Тебѣ твои, а мнѣ мои казались правы.

ИСМЕНА.

Но обѣ мы теперь равны виною.

АНТИГОНА.

Утѣшься! ты живешь: моя же умерла
Давно душа и мертвымъ отошла служить.

КРѳОНЪ.

Изъ нихъ обѣихъ кажется, одна недавно
Сошла съ ума — другая родилась безумной.

ИСМЕНА.

О царь, разсудокъ оставляетъ насъ
Когда грозятъ страданья и бѣды.

КРЭОНЪ.

Тебя, конечно, ибо ты желаешь смерти.

ИСМЕНА.

Какъ безъ нея мнѣ будетъ жить одной?

КРЭОНЪ.

О ней не говори — ея ужъ больше вѣтъ.

ИСМЕНА.

Но ты казнишь невѣсту сына своего.

КРЭОНЪ.

Найдетъ себѣ другое поле плодороднѣй!

ИСМЕНА.

Не такъ бы этого ему и ей хотѣлось.

КРЭОНЪ.

Дурной жены я сыну не хочу.

ИСМЕНА.

О милый Гемонъ! какъ тебя безчеститъ онъ! *

КРЭОНЪ.

Несносна ты съ союзомъ этимъ вѣчнымъ мнѣ.

ХОРЪ.

Ее у сына хочешь ты отнять?

КРЭОНЪ.

Пусть Гадесъ разорветъ такой союзъ.

ХОРЪ.

Такъ рѣшено, что умереть должна она.

КРЭОНЪ.

Тобой и мной. Не медлить больше — отведите

Ее, рабы. И эту такъ же: обѣ,

Какъ женщины, онѣ быть заперты должны;

* Этотъ стихъ бѣольшая часть изданій влагааетъ въ уста Антигоны, но я позволилъ себѣ согласиться съ тѣми, которые думаютъ, что онъ противорѣчитъ ея характеру. Точно такъ же, слѣдующіе за тѣмъ стихи хора, приписываемые Именѣ, противорѣчатъ ея положенію.

Смѣлѣйшіе готовы даже бѣгствомъ
 Спасаться — стоя на краю Гадеса.
 (*Антигону и Исмену уводятъ.*)

—
ХОРЪ, КРЭОНЪ.
 —

ХОРЪ.

Блаженны вы, тѣ, чья жизнь, отъ бѣдствій свободна
 Ибо домъ пораженный проклятіемъ неба
 Страшной карою пораженъ
 Въ родъ изъ рода вѣчно!
 Проклятіе подобно то
 Бурѣ на оракійскихъ водахъ,
 Изъ бездны моря подъемлющей волны ужасныя,
 Да темный далекѣ сокрытый
 Иль, — и объ утесъ прибрежный
 Съ великимъ ударяющей шумомъ.

—
 Старинную гибель въ колѣнѣ Лабдакидовъ
 Снова вижу я въ новомъ погибельномъ дѣлѣ;
 Нѣтъ спасенія роду тому,
 Словно нѣкимъ богомъ
 На преступленіе влекомъ онъ.
 Такъ недавно свѣта лучъ
 Сіялъ на отрасли дома Эдипа послѣдней *,
 Но боги смерти поразили
 Въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ его,
 Да погубила дерзость ослѣпленья.

—
 О Зевсѣ, — силѣ твоей, кто можетъ
 Противостоять безумно?
 Нѣтъ сна для нея — всеукротителя.
 Нѣтъ измѣненій лунныхъ
 Въ вѣчномъ, безвременномъ управляешь
 Ты Олимпомъ ярко сіяющимъ, о властитель;
 Все прошедшее объемлетъ
 И грядущес, сей законъ

* Здѣсь говорится объ *Этеоклѣ*.

Смертный ни какъ не можетъ,
Кто бы ни былъ онъ, безъ бѣдствій жить на свѣтѣ.

Легковѣрна надежда людская,
Хоть имъ она утѣшенье;
И многихъ она къ тщетнымъ желаніямъ водить,
И челоуѣку прежде
Является, чѣмъ онъ успѣлъ обжечься;
Потому и сказалъ давно уже кто-то изъ мудрыхъ:
Тотъ считаетъ злое добрымъ.
Чей — волей небесною
Омраченъ разсудокъ;
Но недолго живетъ онъ отъ бѣдствій свободенъ.

(Къ Крѣону.)

Вотъ Гемонъ идетъ, изъ дѣтей твоихъ
Последняя вѣтвь. Опечаленъ ли онъ
Антигоны судьбой,
Избранной дѣвы, невѣсты своей,
И оплатеть ли ея онъ погибель?

КРЭОНЪ.

Вотъ мы увидимъ.

(Гемону.)

Сынъ мой, ты, конечно,
Пришелъ не съ тѣмъ, чтобы за приговоръ
Твоей невѣсты укорять отца?
Тебѣ я дорокъ, что бы я ни дѣлалъ?

ГЕМОНЫ.

Я твой, отецъ — и надо мной твоя
Да будетъ воля; долгъ мой быть покорнымъ,
И никакой союзъ не можетъ брачный
Дороже быть мнѣ мудрости твоей.

КРЭОНЪ.

Такъ, сынъ.... во всемъ отцовской волѣ долженъ
Повиноваться ты; за тѣмъ-то каждый
Себѣ желаетъ сыновей покорныхъ,

Для мщенья недругамъ и для защиты
Друзей, подобно своему отцу;
Но кто дѣтей имѣетъ непокорныхъ
Имѣетъ ихъ себѣ на муку только,
Врагамъ на посмѣяніе своимъ;
И ты пренебреги любви внушенья
О, сынъ мой, знай: съ преступницей союзъ
Надеженъ быть не можетъ. Ибо, что
Намъ хуже друга вѣроломнаго?
Забудь же, какъ врага, ее — оставь
Преступницу, избравшую себѣ
Супруга въ Гадесѣ. Когда ее
Одну изъ всѣхъ презрѣвшую законъ
На мѣстѣ преступления схватили —
Предъ градомъ я не долженъ быть лжецомъ;
Нѣтъ — умереть должна она, и пусть
Защиты Зевса тщетно умоляетъ.
Когда родныхъ я буду преступленья
Сносить, чужіе и подавно станутъ
Мнѣ козни строить. Кто, какъ строгій мужъ,
Семействомъ управляетъ, будетъ также
И управлять народомъ мудро; я
Увѣренъ твердо, что повиноваться
Такому мужу будутъ всѣ, что онъ
И въ самой битвѣ для себя найдетъ
Помощниковъ и спутниковъ надежныхъ;
Но кто законы дерзко презираетъ
И власти не покоренъ — недостойнъ
Тотъ похвалы моей. О пѣтъ, кого
Народъ поставилъ надъ собой главою,
Тому да повинуются — въ великомъ
И въ маломъ, въ правомъ и не правомъ всѣ.
Зане причина зомъ всѣхъ — непокорность,
Она и государства разрушаетъ,
И въ битвѣ обращаетъ въ бѣгство войска;
Повиновење же спасаетъ всѣхъ
Кто позволяетъ властвовать собою;
Всѣ признавать должны законовъ силу
И женщинамъ не подчиняться: лучше,
Когда ужъ надо, подчиниться мужу;
Но женщинамъ покорнымъ стыдно быть.

ХОРЪ.

Когда насъ не обманываетъ страсть,
Ты кажется премудро говоришь.

ГЕМОНЫ.

Отецъ мой, боги разумъ дали намъ,
Изо всего верховнѣйшее благо,
И не могу я, не умѣю даже,
Отвергнуть истину рѣчей твоихъ.
Но и другой постигнуть правду можетъ;
Стараюсь я вниманье обращать,
На все, что говорится о тебѣ....

Ужасенъ взглядъ твой каждому, при словѣ
Нерадостномъ для слуху твоего.

Но я — я могъ подслушивать въ тиши,
Какъ все о дѣвѣ въ городѣ жамбюгъ,
Какъ говорятъ, что менѣе всѣхъ женъ
Была она достойна смерти послѣ
Прекраснѣйшаго дѣла. « Не покинула
« Она роднаго брата, въ битвѣ павшаго
« Въ добычу псамъ и хищнымъ вѣропамъ;
« И потому — не смерти, славы болѣе
« Достойна. » Вотъ что тайно говорятъ.

Но мнѣ, отецъ, нѣтъ блага высшаго
Чѣмъ счастье твое. И для дѣтей
Что лучше можетъ быть отцовской славы?
Равно какъ для отца — блаженства чадъ?
И потому молю тебя, не думай
Чтобъ только то, что сказано тобою
Одно лишь право было. Кто себя
Единого разумнымъ почитаетъ
И одареннымъ больше всѣхъ другихъ
И силою ума и рѣчи силой —
Бываетъ часто слишкомъ безразсуденъ;
Не стыдно ни кому, мудрѣйшимъ даже
Совѣты принимать, не быть упорнымъ.
Видалъ ты, какъ при сильномъ вѣтрѣ южномъ
То дерево, которое вѣтвями
Склонится долу гибко — остается —
Упорное же вѣтеръ съ корнемъ вырываетъ,

И кормчій, тотъ, который не свиваетъ
 Во время бури паруса — погибнетъ;
 Умѣрь же гнѣвъ и мысли измѣни.
 И если отъ меня ты примешь слово
 Отъ юноши — конечно, лучше нѣтъ,
 Какъ мудрымъ быть во всемъ — но такъ какъ это
 Для смертныхъ невозможно, то равно
 Похвально — слушаться разумныхъ словъ.

ХОРЪ.

О царь, ты долженъ внять его разумной рѣчи.

(Гемону)

Равно и ты: вы оба говорите хорошо.

Крѣонъ.

Въ monkъ лѣтахъ — благоразумью долженъ
 Учиться я у юноши такого!

ГЕМОНЪ.

Учись лишь одному хорошему — пусть молодъ я —
 На дѣло, не на лѣта долженъ ты смотрѣть.

КРѢОНЪ.

Но дѣло ль чтить преступниковъ закона?

ГЕМОНЪ.

Почтенья я не требую къ преступнымъ.

КРѢОНЪ.

Не преступлене ли надъ нею тяготѣеть?

ГЕМОНЪ.

Кадмеяне не такъ объ этомъ говорятъ.

КРѢОНЪ.

Такъ управлять учиться буду я у города?

ГЕМОНЪ.

Смотри, какъ юношески самъ ты говоришь.

КРѢОНЪ.

Другой со мною будетъ править наравнѣ?

ГЕМОНЪ.

Ни гдѣ одинъ не можетъ усмотрѣть все самъ.

КРЭОНЪ.

Не по властителю ли городъ познается?

ГЕМОНЪ.

Ты будешь править въ городѣ пустомъ — одинъ.

КРЭОНЪ.

Онъ, какъ мнѣ кажется, союзникъ женщинъ.

ГЕМОНЪ.

Да — ибо ты здѣсь женщиной являешься.

КРЭОНЪ.

Безстыдный! ты съ отцомъ своимъ дерзаешь спорить!

ГЕМОНЪ.

Я вижу какъ ты правду оскорбляешь.

КРЭОНЪ.

Я оскорбляю — защищая силу власти?

ГЕМОНЪ.

Ее не защитишь ругаясь надъ богами.

КРЭОНЪ.

Презрѣнный образъ мыслей бабьяго раба!

ГЕМОНЪ.

Но только никогда не буду рабъ неправды.

КРЭОНЪ.

Вся рѣчь твоя къ одной преступницѣ клонилась.

ГЕМОНЪ.

Нѣтъ; но ко всѣмъ, къ тебѣ и мнѣ, и къ Гадесу.

КРЭОНЪ.

На ней живой тебѣ жениться не придется.

ГЕМОНЪ.

Такъ пусть умереть она и съ ней умеруть другіе.

КРЭОНЪ.

Ты мнѣ грозить, какъ кажется, дерзаешь?

ГЕМОНЪ.

Грозить ли значить съ яростью бороться?

КРЭОНЪ.

Ты воплемъ безразсуднымъ хочешь образумить?

ГЕМОНЪ.

Будь не отецъ ты, я бѣ назвалъ тебя безумнымъ.

КРЭОНЪ.

Рабъ женщины, не приставай ко мнѣ.

ГЕМОНЪ.

Ты хочешь говорить всегда, не слушать.

КРЭОНЪ.

Какъ! но клянусь Олимпомъ, безнаказанно
 Я надъ собой тебѣ смѣяться не позволю!
 Привести сюда чудовище... чтобъ тотчасъ же
 Она погибла на глазахъ его....

ГЕМОНЪ.

Нѣтъ, не умретъ она въ глазахъ моихъ, повѣрь,
 Въ присутствіи моемъ: и никогда ты самъ
 Главы моей глазами больше не увидишь.
 Неистовствуй теперь надъ кѣмъ ты хочешь самъ.
(Убѣгаетъ въ поле.)

ХОРЪ.

О царь — онъ въ гнѣвѣ сильномъ удалился;
 Опасенъ юный умъ, печалью омраченный.

КРЭОНЪ.

Пускай идетъ, пускай употребляетъ
 Нечеловѣческія средства.... но она умретъ!

ХОРЪ.

Ты ихъ обѣихъ осуждаешь приговоромъ?

КРЭОНЪ.

Ты правъ!... не помогала та, и пусть живетъ.

ХОРЪ.

Какой же смертью умереть должна другая?

КРЭОНЪ.

Пусть отведутъ ее въ безлюдную страну,

И тамъ живую заключать въ утесъ,
 Давъ пищи столько, сколько нужно для того,
 Чтобы очистить городъ цѣлый отъ вины *
 Быть-можетъ Гадесъ ей поможетъ, изъ боговъ,
 Единый чтимый ею, — пусть ее спасаетъ,
 Она увидитъ, только поздно, что безумно
 Служить тѣнямъ, покоющимся въ адѣ.

(Уходитъ съ толпой во дворецъ.)

ХОРЪ.

Эросъ, — непобѣдимый ты,
 Эросъ, въ сердце могучее
 Проникающій и на дѣвственныхъ
 Ланитахъ зарею алой
 Сіяющій, море широкое ты
 Переплывающій,
 Безсмертные не въ-силахъ бороться съ тобою,
 Тѣмъ паче сынъ времени....
 Подходишь — и онъ безуменъ.

* *
*

Даже духъ благородный ты
 Влечешь къ преступленью на гибель:
 Ты произвелъ и этотъ
 Споръ близкихъ между собою,
 И явно, что здѣсь побѣдитъ
 Ласковый взглядъ жены;
 Ибо, даже и власти соарцствуетъ онъ.
 И смѣется ужъ улыбкою
 Побѣдною Афридита.

* *
*

Но самого меня теперь
 Изъ предѣловъ правды выводитъ сей видъ:
 Отъ слезъ не могу удержаться,

* То есть, на одинъ день; это дѣлалось въ отношеніи къ преступленіямъ, для очищенія себя отъ ихъ смерти (expiatio).

Видя, какъ Антигона идетъ
На брачное смерти ложе.

АНТИГОНА.

(Рабы ведутъ ее изъ дворца.)

АНТИГОНА.

О, смотрите, граждане родной стороны,

Какъ послѣдній мой путь

Совершаю я, и послѣдній лучъ

Гелиоса сіяетъ мнѣ;

Мнѣ не видать его.... Живую меня

Гадесь все усыпляющей — къ берегамъ

Ахерона ведетъ;

Не прозвучатъ Гименея мнѣ

Пѣсни — не расцвѣтутъ никогда

Цвѣты его!

Ахеронъ только будетъ супругомъ мнѣ!

ХОРЪ.

Но не въ славы ль лучахъ — нисходишь ты

Въ нѣдры мрачныя смерти царства;

Не болѣзни тебя въ могилу свели,

Не мечъ поразилъ тебя, — сама надъ собою

Владычица — въ Гадесь нисходишь

Изъ смертныхъ быть-можетъ единая.

АНТИГОНА.

Слыхала я о горестной смерти во Фригiи

Дочери Тантала

На выси Сипильской Горы

Изъ утеса выросшій камень

Крѣпко какъ плющъ обвилъ ее,

И дождями она, по преданiямъ,

Омывается.

И съ груди ея вѣчный не сходитъ снѣгъ

И ей подобно

Каменистый утесъ будетъ ложе мое.

ХОРЪ.

То богиня была — отъ боговъ рождена;
 Мы же — смертные, чада земли;
 Но великая слава съ богами дѣлится
 Смертный жребій единый.

АНТИГОНА.

Увы мнѣ — смѣетесь вы... по ради безсмертныхъ, зачѣмъ

Надъ живую еще,

Вы насмѣхаетесь?

О градъ — о вы, въ градѣ

Мужи живущіе,

Увы! Увы!

Потоки Диркейскіе, роши священныя

Колеснице-богатыхъ Эивъ

Будьте мнѣ во свидѣтельство,

Какъ неоплакана, по закону жестокому

Въдушный я гробъ нисхожу....

О! Увы мнѣ, увы мнѣ!

Ни людей, ни тѣней — сестрѣ,

Ни живущихъ, ни мертвыхъ!

ХОРЪ.

Поступкомъ дерзостнымъ своимъ

Богини правды вѣчный тронъ,

Дитя, оскорбила глубоко ты

И несешь отца беззаконія.

АНТИГОНА.

Изъ печалей сильнѣйшую пробудилъ ты — память

Отца несчастнаго;

И память, о жребіи

Насъ, Лабдакидовъ,

Славой вѣнчаннаго рода

Увы! — о ты

Беззаконіе первое, ты объятіе

Матери съ отцомъ моимъ,

Ей же несчастной рожденнымъ!

И я родилась отъ союза того

И къ нимъ иду я, безбрачная,

Проклятіемъ пораженная,
 Увы! несчастно
 Избралъ ты, братъ мой, себѣ супругу.
 И даже умершій ты жизнь отнимаешь.

ХОРЪ.

Хвалы достойно мертвецамъ
 Служить; но власть пренебрегать
 Никогда къ добру не приводитъ:
 Твое сердце само тебя осуждаетъ.

АНТИГОНА.

Увы! неоплаканную, безъ друзей, безъ супруга жившую,
 Ведутъ меня въ неизбѣжный путь;
 Никогда неба яснаго
 Не увижу я, бѣдная.
 Слезы надо мою не будутъ лить,
 И друзья не вздохнуть обо мнѣ.

КРЭОНЪ.

(Выходитъ изъ дворца.)

Пора окончить этотъ смертный вопль,
 Хотя бы даже онъ и нуженъ былъ;
 Скорѣй ее ведите.... и въ пещеру
 Живую закладите, какъ сказалъ я.
 Ее одну оставьте: пусть она
 Умретъ или живетъ закладена
 Въ пещерѣ этой. Мы ото всего,
 Что съ ней случится чисты. — Пусть она
 Живыхъ жилища будетъ лишена.

(Уходитъ во дворецъ.)

АНТИГОНА.

О гробъ! о ложе брачное, подземное,
 Жилище вѣчное, въ тебѣ съ моими я
 Соединюсь, которыхъ множество
 Персефонея * въ царство мертвыхъ приняла.
 И я, послѣдняя, и я, несчастная,

* Персефонея, Персефасса, Прозерпина, дочь Цереры, супруга Плутона.

Иду туда же къ нимъ до срока вѣчнаго,
 Назначеннаго мнѣ судьбой... но вѣрю я,
 Что примешь ты меня, отецъ мой, радостно,
 И ты, о мать моя, и ты, о братъ.
 Вамъ, тѣни мнѣя, служила вѣрно я,
 Творя надъ прахомъ вашимъ возмѣнья;
 И за тебя, о Полинейкъ, за то, что я
 Тебя землей посынала, несую я смерть.
 Я, между-тѣмъ, какъ должно поступила, я
 Ни для дѣтей, когда бъ была я матерью,
 Ни для супруга, если бъ умеръ онъ,
 Я никогда бъ закона не нарушила
 И почему — я знаю хорошо.
 Умри супругъ — найду себѣ другаго я,
 И чада будутъ также отъ другихъ;
 Но, если Гадесъ поглотитъ родившихъ насъ,
 То брата болѣе они намъ не дадутъ,
 И вотъ за то, что чтила я тебя, о братъ,
 Меня преступницей считаетъ Крѣонъ
 Его рука теперь влечетъ на смерть меня,
 Безбрачную, Гимена радостей
 Не знавшую, младенца не кормившую,
 И не оплакана — должна, несчастная,
 Итти я за-живо въ страну тѣней!
 Къ чему же съ воплемъ мнѣ взывать къ богамъ теперь?
 Кого молить изъ нихъ?... когда похвальное,
 Здѣсь, на землѣ, считаютъ преступленьемъ!
 И такъ, когда богамъ угодно то,
 Я сознаюсь, что стражду какъ преступница;
 Но ежели враги мои преступны будутъ,
 Да не постраждутъ худшаго они.

ХОРЪ.

Терзаетъ ей духъ все та же печаль,
 И муки всё тѣ же предсмертной борьбы.

крѣонъ, *(обращаясь къ тѣмъ, кото-
 рые должны вести Анти-
 гону).*

Ну, если такъ, достанется и вамъ
 За медленность при исполненнн дѣла.

АНТИГОНА.

Увы! передо мной раскрыты смерти врата,
Сокройте, сокройте отъ взора ихъ!

ХОРЪ.

Не стану надеждой ее ободрять:
Пускай совершится судьба ея.

АНТИГОНА.

О городъ родной на полѣ Кадмейскомъ,
И вы, домашніе боги,...
Все кончено.... вотъ ужъ влекутъ меня!
Старѣйшины Эивъ единая я
Изъ роду царей вашихъ, и вотъ, кто меня
На смерть осуждаетъ теперь
За дѣло святое мое.

(Стражи ее уводятъ.)

ХОРЪ.

И Данаи судьба была небесный
Свѣтъ не видать и въ мѣдяной, гробу подобной
Башнѣ, въ печальной темницѣ она лежала въ оковахъ;
А была и она знаменитаго роду, о дѣва,
И носила плоды Зевса златаго дождя въ себѣ
Воля рока — страшна силой незаблемой.
И никакая власть ее,
Ни крѣпость, ни корабль морской,
Избѣгнуть никогда не могутъ.

* *
*

И Гедонянъ царя, сына Дриады
Силу Вакха презрѣвшаго въ страшной гордынѣ
Власть Двоинса въ утесъ каменный сокрыла.
Такъ кончается смертныхъ гордыня безумная
Возстающая тщетно. Узналъ онъ, что бога
Упоеннаго оскорбилъ и наказанъ онъ,
Ибо дѣвъ посвященныхъ ему

Онъ оскорбилъ и девять музъ
Свирѣли звуки возлюбившихъ.

* *
*

На канскихъ волнахъ моря Эвксинскаго
Брегъ Босфоръ лежитъ, — Сальмидіосось оракійскій
Странствуя тамъ, съ враждою узрѣлъ
Страны богъ-Аресъ
Какъ съ Финидами злобно
Поступило мачихи мщенье,
Какъ она пронзила имъ свѣтлыя очи,
Желѣза остріемъ ужаснымъ
Вооруживъ кровожадныя руки.

* *
*

Слезами они обливали напрасными свой печальный
Жребій, бѣдствие — отъ союза нашедшіе матери; рода
Эрехтеева древняго была она дочь
И отрасль единая,
И въ далекихъ пещерахъ
Она росла — подъ бурями отца,
Какъ кони быстрыми, Бореада, боговъ дитя;
Но и она не избѣжала
Вѣчной власти Паркъ, о дѣва,

ТЭЙРЕЗИАСЪ (котораго ведетъ маль-
чикъ).

Съ моимъ вожатымъ, онвекіе старѣйшпны,
Иду я къ вамъ, онъ видитъ за двоихъ:
Слѣпымъ ходить съ вожатымъ только можно.

КРЭОНЪ.

Что скажешь новаго, старикъ Тэйрезіасъ?

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Скажу — а ты повѣрь же провѣщателю.

КРЭОНЪ.

Не уклонялся отъ твоихъ совѣтовъ я.

ТЭЙРЕЗІАСЬ.

Поэтому-то ты и право градомъ правншь.

КРЭОНЪ.

Признаться долженъ я — они полезны были.

ТЭЙРЕЗІАСЬ.

Подумай, что стоишь ты на ножѣ теперь.

КРЭОНЪ.

Что говоришь ты? страхъ объемлетъ душу мнѣ!

ТЭЙРЕЗІАСЬ.

Вотъ что мое тебѣ искусство говорить:
 На старомъ я сидѣлъ гадателей сѣдалицѣ
 И предо мною были птицы всѣхъ родовъ
 И слышалъ я необычайный крикъ, и птицы
 Одна другую съ яростью терзали клювомъ, —
 То я узналъ по шуму крылъ извѣстному, —
 Испуганный, я тотчасъ вопросилъ алтарь
 И жертву — но отъ жертвъ огонь не восходилъ
 И жиръ лежалъ растопленный и только дымъ
 Да пепелъ былъ одинъ отъ жертвенныхъ частей.
 Отъ мальчика о томъ я слышалъ моего —
 Что жертвы исчезали въ страшномъ безпорядкѣ....
 Зане онъ вождь мнѣ, такъ какъ вождь я для другихъ;
 Но отъ тебя грозить несчастья городу
 Покрыты алтари и жертвенники наши,
 Истерзанными клювомъ птицъ, собакъ зубами
 Остатками несчастнаго Эдипа сына
 И потому безсмертные молений нашихъ
 Не принимаютъ, жертвы наши не горятъ
 И птицы не даютъ благовѣщательнаго крику
 Съ-тѣхъ-поръ когда они коснулись трупа клювомъ.
 Подумай, сынъ, объ этомъ.... браннымъ смертнымъ намъ
 Впадать во искушенье — доля общая
 Но согрѣшившій — не безпомощенъ, когда
 Онъ послѣ прегрѣшенья, думаетъ исправить
 Вину свою, а не стоитъ упорно въ ней.
 Упорство — признакъ неразумья одного,
 Смирись предъ смертію! Усопшаго преставъ
 Преслѣдовать.... И гдѣ же въ этомъ мужество?

Тебѣ я дѣло говорю и отъ души.
И должно слѣдовать полезному совѣту.

КРЭОНЪ.

И ты, старикъ! вы все какъ-будто въ цѣль стрѣлки
На это мѣтите... и даже проричашемъ
Меня поколебать хотите все, давно
Я проданъ ужъ своимъ, это знаю я.
Но продавайтесь же кому и какъ хотите,
За камни Сардскіе, за злато Индіи,
Вы никогда его въ могилу не заросте.
Нѣтъ, если бъ даже Зевсовы орлы на крыльяхъ
Кровавые остатки въ небо унесли
Не убоюсь я святотатства, никогда
Ему не дамъ могилы. Знаю, что изъ смертныхъ
Безсмертныхъ оскорбить никто не можетъ;
Но если — о старикъ Тэйрезіасъ, изъ смертныхъ
Высокій падаетъ, онъ падаетъ глубоко
Когда неправду изъ корысти говоритъ.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Увы!

Кто изъ людей узнаетъ... кто предвидѣть можетъ.....

КРЭОНЪ.

К чему теперь ты рѣчь твою ведешь?

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Какое благо разумъ высшее!

КРЭОНЪ.

Да — и какая кара неба — неразумье.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Вотъ этой-то болѣзнию страждешь ты теперь.

КРЭОНЪ.

Я дерзко отвѣчать не стану провѣщателю.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Но ты сказалъ уже, что ложно провѣщалъ я.

КРЭОНЪ.

До золота всё падки прорицатели.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Какъ до добычъ постыдныхъ падки всё тираны.

КРЭОНЪ.

Ты знаешь ли, что говоришь съ властителемъ?

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Конечно, знаю: городъ мной спасенный — твой.

КРЭОНЪ.

Ты мудръ, о провѣщатель, но не честенъ ты.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Въ душѣ глубоко скрытое я принужденъ сказать.

КРЭОНЪ.

Скажи, но говори не изъ жорысти только.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Я такъ и думаю, но только для тебя.

КРЭОНЪ.

Моей ты никогда не купишь вѣры.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Такъ знай же ты, что прежде чѣмъ свершить по небу

Свой быстрый бѣгъ блестяшій Гелиосъ,

Одинъ отъ крови собственной твоей —

Какъ трупъ за трупъ несчастной будетъ жертвой;

Его увидишь надшимъ ты за ту,

Которую ты закопалъ живую

И за того, котораго отъ адскихъ

Ты отдѣлилъ боговъ и держишь на землѣ

Непогребеннаго.... онъ ни тебѣ

Ни вышнимъ божествамъ не подчиненъ

И отъ тебя теперь насилье терпитъ;

И потому стремятся ужъ Эривни,

Мстить за боговъ и за подземный міръ,

И наказать тебя твоими же дѣлами;

И посмотри, сказалъ ли это я

Подкупленный.... вотъ раздадутся въ домѣ

Твоемъ, мужей и женъ отчаянные вопли
 И города въ союзъ враждебный вступятъ
 За то, что трупъ терзавшій собаки
 И звѣри хищные и птицы — принесли
 Нечистыя въ страны ихъ испаренья;
 Вотъ чтò тебѣ — зане ты оскорбилъ меня
 Послалъ какъ смертную стрѣлу, какъ страшный
 Ударъ, котораго не избѣжать тебѣ.
 Ты жъ, отрокъ, отведи домой меня — пускай
 Научится онъ гнѣваться на младшихъ,
 Удерживать и умѣрять языкъ
 И быть разумнымъ больше, чѣмъ теперь.

(Уходитъ.)

ХОРЪ, КРЭОНЪ.

ХОРЪ.

О царь — ушелъ онъ послѣ страшныхъ предвѣщаній
 И знаемъ мы, съ-тѣхъ-поръ какъ на сѣдныи эти
 Смѣнили мы кудри черныя, что никогда
 Онъ ложно не пророчествовалъ городу.

КРЭОНЪ.

Я знаю самъ и духомъ пораженъ;
 Ужасно уступить — но такъ же страшно
 Упорствомъ гнѣвъ навлечь боговъ безсмертныхъ.

ХОРЪ.

Подумать пужно, Крэонъ, Менекеевъ сынъ.

КРЭОНЪ.

Чтò дѣлать? говори — я слушаю.

ХОРЪ.

Ступай, освободи изъ подземелья дѣву
 И падшему могилу дай теперь.

КРЭОНЪ.

Какъ! и ужель я согласиться долженъ?

ХОРЪ.

Скорѣе, царь.... упорствующихъ скоро
 Боговъ безсмертныхъ кара постигаетъ.

КРЭОНЪ.

Увы!... мнѣ стѣить дорого — но я
Рѣшаюсь: тщетно вамъ съ судьбой бороться.

ХОРЪ.

Слѣши же самъ, не поручай другимъ.

КРЭОНЪ.

Иду не медля. Вы, рабы мои,
И здѣсь стоящіе и въ домѣ — по-скорѣе
Берите заступы; бѣгите къ той скалѣ;
Но я, теперь перемѣнившій мысли —
Я заключилъ ее и самъ освобожу,
Хотя боюсь, не лучше ли всегда
Законъ до смерти защищать своей.

(Уходитъ съ толпою въ поле.)

ХОРЪ.

Все прославленный, утѣшеніе дщери Кадмовой, *
Зевса, страшногремящаго чадо — равнины Италіи **.

Объявшій любовно и Десю

Элевзинской *** долину украсившій

Всѣмъ священную.

О Бахусъ, здѣсь, въ отчизнѣ Бакханокъ
Въ Оивахъ, у волнъ именованныхъ присущій
Гдѣ посѣяны были зубы дракона ****.

* *
*

Свѣтитъ пламя тебѣ на скалѣ раздвоенной,
Гдѣ Коркійскихъ нимфъ толпы пляшутъ пляски твои
Касталіей омытой *****

Гдѣ льются безсмертныя пѣсни .

* Семель.

** Южной Италіи или Великой Греціи, славной своими винами.

*** Цереры, въ танцествахъ которой Бахусъ игралъ важную роль.

**** Кадмосъ, основатель Оивъ, убилъ по своему прибытіи къ Беотию
дракона и посѣялъ зубы его, по повелѣнію боговъ; изъ этихъ зубовъ ро-
дился Оивяне.

***** Мѣсто это въ подлинникѣ темно, но вѣроятно, здѣсь говорится о
жертвенномъ пламени, возжигаемомъ на горѣ въ честь Бахуса.

Высоты Ниссы *

Тебя величаютъ, плющемъ ** увитыя
Тебя виноградники берега морскаго,
Онъ великій покровитель.

* * *

Ты благосклонно объялъ градъ нашъ великій
Выбѣстъ съ матерію Зевсомъ
Пораженный.... Сойди

При опасности граду нынѣ грозящей
Шагами тихими съ высотъ Парнасса
Къ намъ на землю,—прійди по шумящимъ волнамъ.

* * *

Звѣздъ вожатый *** ярко блестящихъ, предводитель
Почныхъ веселыхъ пѣсенъ.

Юноша, Зевсомъ рожденный!

О, явись съ женами Наксосу, полными ревности
Служить тебѣ и ночи цѣлыя въ пляскахъ
Тебя прославлять, о, защитникъ, Якхосъ ****

ВѢСТНИКЪ.

вѣстникъ.

О, жители Амфіона и Кадма града
Нѣтъ жизни ни единой человѣка,
Которую бѣ хвалилъ я или порицалъ;
И возвышаетъ всѣхъ и унижаетъ счастье,
Счастливымъ дѣлая или несчастнымъ.
И участи грядущей намъ нельзя предвидѣть.
И Крѣонъ нѣкогда великъ и славенъ былъ,
Освободившій отъ враговъ страпу Кадмеянь.
Пріявшій власть верховную надъ нею
И окруженный чадами своими.
И нынѣ всѣмъ оставленъ онъ.... и если человѣкъ

* Нисса—гора въ Беотіи.

** Плющъ—растеніе, которымъ увивались лица вакханокъ.

*** Бахусъ и Аполлонъ часто смѣняются у трагиковъ.

**** Якхосъ, одно изъ прозваній Бахуса.

Блаженство потерялъ, его живымъ
 Я не считаю—но живущимъ только трупомъ.
 Живи въ богатствѣ величайшемъ ты
 Въ великолѣпнн, но если радость
 Оставить, все другое — прахъ и дымъ.

ХОРЪ.

Какія бѣдствія царю ты возвѣщаешь?

ВѢСТНИКЪ.

Они погибли: въ томъ живущіе виновны.

ХОРЪ.

Но кто убійца—кто убитый, говори!

ВѢСТНИКЪ.

Гемонъ погибъ, рукой своею пораженный.

ХОРЪ.

Какъ? собственной своей или рукой отцовой?

ВѢСТНИКЪ.

Своею,—на отца былъ раздраженъ онъ сильно.

ХОРЪ.

О, предвѣщатель! Вотъ сбылись твои слова.

ВѢСТНИКЪ.

Но будетъ нужно вамъ о слѣдствіяхъ подумать.

ХОРЪ.

Уже Эйридику я вижу бѣдную,
 Супругу Крѣола. Узнавши ли
 О смерти сына или такъ идетъ она?

ХОРЪ, ВѢСТНИКЪ, ЭЙРИДИКА.

ЭЙРИДИКА.

О, граждане, что я услышала, когда
 Къ порогу приближалась, на которомъ я
 Свершила поклоненіе Паладѣ —
 Я отворила запертыя двери,
 Когда о горѣ дома моего
 Настигла вѣсть меня—на руки женщинъ.

Упала я и онѣмѣла; но теперь
 Перескажите снова все какъ было....
 Ужъ я въ страданьяхъ опытна теперь.

ВѢСТНИКЪ.

Я все перескажу, царица, что я видѣлъ
 И правды отъ тебя я не хочу скрывать.
 Къ чему щадить тебя, когда потомъ лжецомъ
 Я окажусь? Одна лишь правда устоитъ.
 Путеводителемъ я шелъ съ твоимъ супругомъ
 Къ пригорку на равнинѣ, гдѣ еще нагое
 Растерзанное псами тѣло Полинейка
 Лежало—и когда мы обративъ моленье
 Къ Гекатѣ и Плутону о смягченьи гнѣва,
 Надъ нимъ свершили возліянье—и сожгли
 На вѣтвяхъ свѣжихъ смертные останки,
 Тогда мы холмъ насыпали высокій изъ родной
 Земли и всѣ пошли къ пещерѣ, гдѣ живую
 Заклали Антигону—вдругъ одинъ изъ насъ
 Услышалъ страшный вопль, который неся
 Изъ этого жилища смерти и Гимена
 И Крѣону царю объ этомъ возвѣстилъ....
 Еще не ясно слышанъ былъ тотъ страшный вопль,
 Но царь уже взывалъ съ отчаяньемъ
 И съ горькими слезами: «о, несчастный я!
 «Ужели я провидѣцъ, и уже ль теперь
 «Свершаю путь мой самый тяжкій я;
 «Слухъ поразилъ мой сына голосъ—о, скорѣй,
 «Скорѣй, рабы, стремитесь вы къ пещерѣ;
 «Скорѣе входъ въ нее пробейте.... точно ль слышалъ
 «Я голосъ сына или то одинъ обманъ?»
 И повинаясь голосу властителя
 Мы поспѣшили и пробивши входъ въ пещеру
 Остановились въ изумленіи—она
 Повѣсилась на поясѣ льняномъ своемъ,
 А онъ, обнявши крѣпко трупъ возлюбленной,
 Рыдалъ о гибели своей подруги
 И проклиналъ отца и жребій свой несчастный;
 Но Крѣонъ увидалъ его и съ плачемъ
 Къ нему спѣшилъ, взывая громко:
 «Несчастный, что ты сдѣлалъ, что ты дѣлать хочешь?»

«Безуміе тобою владѣть... о! зачѣмъ ты здѣсь?

«Скорѣй бѣги, мой сынъ—тебя я заклинаю!»

Но дико сынъ взглянулъ блудящими очами

И ничего не возражая, только плюнулъ *

Ему въ лицо и вынулъ мечъ

Свой обоюду-острый—и когда отецъ

Удара избѣжалъ, то гнѣвъ свой на себя

Несчастный Гемонъ обратилъ, и палъ

На мечъ онъ грудью; но и умирая,

Онъ обнялъ ослабѣвшими руками трупъ

И вздохъ послѣдній, вздохъ кровавый испустилъ.

На блѣдныя ланиты мертвой дѣвы.

Теперь средь мертвыхъ—мертвый онъ, достигшій

До ложа брачнаго въ жилищѣ Гадеса

На поученье людямъ, что виною

Бываетъ бѣдствій всѣхъ неосторожность.

(Эйридика удаляется.)

ХОРЪ, ВѢСТНИКЪ.

ХОРЪ.

Что скажешь ты объ этомъ?... Вдругъ ушла она

Ни добраго и ни худаго не сказавши слова?

ВѢСТНИКЪ.

Мнѣ тоже странно это—но, я думаю,

Что не хотѣла передъ цѣлымъ городомъ

Она о сынѣ плакать и ушла домой

Рыдать о бѣдствіяхъ съ своими жеванн:

Разсудокъ запретить ей погубить себя.

ХОРЪ.

Не знаю; но молчанье мнѣ страшнѣй

Чѣмъ горькій плачь и сильныя рыданья.

* *Πῦμας πρὸς πλοῦ*: я это выраженіе перевелъ буквально, хотя многіе комментаторы разумѣютъ здѣсь только метафору. Мнѣніе ихъ кажется мнѣ литературной *pruderie*, которой страшно собственное слово. Не спорю, что это очень грубо—но то ли еще найдется въ древнихъ и въ величайшемъ изъ новыхъ — Шекспирѣ?

ВѢСТНИКЪ.

Такъ посмотрю я, не сокрыла ли худое
 Намѣренье она и потому
 Войду я въ домъ—быть-можетъ точно правда,
 И страшно это тихое молчанье.

(Уходитъ.)

ХОРЪ.

Но вотъ посмотри, самъ царь ужъ идетъ
 Въ объятыхъ съ предметомъ страданій,
 Которыхъ причина—дерзаю сказать
 Его же, его ослѣпленье.

ХОРЪ, КРЭОНЪ СЪ ТРУПОМЪ СЫНА ВЪ РУКАХЪ.

КРЭОНЪ.

Проклятье моему безумству страшному,
 Проклятье, увы!... Смотрите, передъ вами убійца
 И съ нимъ убитый—кровь его!
 Проклятье мнѣ безразсудному,
 Увы, о мой сынъ, такъ рано погибшій!
 О! о! о! о!

Ты умеръ, оставилъ ты насъ,
 Не ты виноватъ—безразсудство мое.

ХОРЪ.

О, для чего такъ поздно это видишь ты?

КРЭОНЪ.

Увы мнѣ!
 Въ несчастьи позналъ я, что иѣкій богъ
 Проклятемъ меня поразилъ своимъ
 И въ путь заблужденья увлекъ меня;
 Увы мнѣ, прости навсегда мое счастье!
 О жребій, мучительный смертныхъ жребій!

РАБЪ (выходя изъ дому).

О, царь мой, пораженный страшнымъ горемъ
 Одно въ рукахъ твоихъ—другое скоро
 Ты встрѣтишь на порогъ дома своего.

КРЭОНЪ.

Какое горе есть еще тяжеле?

РАБЪ.

Твоя супруга—бѣдная, погибла
Отъ материнской скорби смертью злой.

КРЭОНЪ.

О! о!

Врата кровожадныя Гадеса!...

За чтѣ, за чтѣ все возстало противъ меня....

Чтѣ говоришь ты мнѣ страшный вѣстникъ?

Чтѣ ты принесъ?... Какое бѣдствіе новое?

О! о! о! о!

Ужели къ числу всѣхъ бѣдствій моихъ

Прибавится смерть жены?

(Двери дворца открываются и видны трупъ Эйридики).

ХОРЪ.

Ты можешь видѣть самъ—открыть твой домъ.

КРЭОНЪ.

Увы мнѣ!

Иное, страшное горе терплю я, бѣдный,

Чѣмъ болѣе тяжкимъ судьба поразить меня?

Въ объятяхъ моихъ—мой сынъ—мертвецъ,

И вотъ предъ очами жены моей трупъ.

О бѣдная, бѣдная мать—о, дитя несчастное!

РАБЪ.

Пронзивши грудь мечомъ предъ алтаремъ, она

Упала и сверкая дикими очами

Кляла и смерть святую Мегарея * и другаго

Тебя сыноубійцей называя.

КРЭОНЪ.

Увы, увy, увy!

Ужасъ объемлетъ меня—о, зачѣмъ не пронзилъ

Никто обоюдо-острымъ мечомъ меня?

Горе мнѣ, горе мнѣ!

Съ горемъ теперъ неразрывною связанъ я цѣпью!

РАБЪ.

Что въ смерти ихъ обоихъ виноватъ одинъ ты,

* *Мегарей*, старшій сынъ Крэона, погибъ за отечество, и слѣдуя оракулу, принесъ себя за него въ жертву.

То сами мертвые сказали умирая.

КРЭОНЪ.

Какая смерть отъ мукъ ее освободила?

РАВЪ.

Сама себѣ она пронзила сердце, только вѣсть
Услышала о гибели несчастной сына.

КРЭОНЪ.

О горе мнѣ!... нѣтъ, на чужую главу
Не обращаю вины я гибели ихъ
Ибо я, я одинъ—одинъ ихъ убилъ,
Я—проклятый безумецъ!... увы мнѣ! то правда.

Скорѣй рабы

Ведите, на крыльяхъ несите отсюда меня
Меня, который — ничтоженъ теперь.

ХОРЪ.

Одно тебѣ осталось лишь желать,
Чтобъ было кратковременнѣ горе.

КРЭОНЪ.

Скорѣй, о скорѣй!

Приди, о послѣднее изъ дѣлъ кровавыхъ моихъ *
И къ цѣли скорѣе пути моего
Приведи, о, скорѣе, скорѣе!
Да не узрять болѣе дня мои очи!

ХОРЪ.

Еще далеко это... наше дѣло
О настоящемъ помышлять одномъ.

КРЭОНЪ.

Но я молю о томъ, чего желаю.

ХОРЪ.

Не долженъ ты молить. Спасенья нѣтъ
Для смертнаго отъ вѣчной воли рока.

КРЭОНЪ.

Ведите же вы, несчастливца меня...
Тебя я убилъ, тебя, о дитя мое!

*Крэонъ разумѣетъ самоубійство.

И тебя—другую. Увы мнѣ, увы мнѣ!
 Какъ свѣтъ еще видятъ глаза мои.... Гдѣ утѣшеніе?

Все одѣто

Черной мглою вокругъ,—надо мною висить
 Неизбѣжное рока проклятье.

(Его уводятъ во дворецъ.)

ХОРЪ.

Величайшее благо изъ благъ земныхъ
 Есть: *мудрымъ быть*. Предъ закономъ боговъ
 Преклоняйся—заплатить ослушникъ его
 За безмѣрный проступокъ и карой безмѣрной,

И поздно узнаетъ
 Какъ разума слушаться должно.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

=